

ную заповѣдь труда; оно содержится во всѣхъ увѣщаніяхъ о хозяйственной помощи ближнему и, главное, въ религіозной санкціи хозяйственной дѣятельности (я сказалъ бы всей культуры, насколько она является трудовымъ хлѣбомъ для тѣла и души), которая дана въ прошеніи молитвы Господней: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*. Исторически христіанство возстановляетъ достоинство труда, находившагося въ аристократическомъ пренебреженіи у античной древности, оно провозгласило принципъ, что „достоинъ дѣлатель мзды своей“, и что „кто не работаетъ, тотъ да не ѣсть“. Притомъ здѣсь имѣетъ значеніе не только буква христіанской письменности, но и вся практика первохристіанской церкви; послѣдняя имѣла въ своемъ составѣ множество тружениковъ всякаго рода, рабовъ, ремесленниковъ, людей тяжелаго хозяйственнаго труда, какими были и апостолы. Но если христіанство въ какомъ-либо смыслѣ допускаетъ хозяйство, то опять-таки приходится признать, хотя въ извѣстной степени, и его относительные критеріи, отвести мѣсто и принципу экономической цѣлесообразности.

Съ другой стороны является необходимость, а вмѣстѣ и возможность *этизировать* хозяйственную жизнь. Если религіозный идеаль есть полная нестяжательность и свобода отъ хозяйства, то не теряютъ чрезъ это цѣны своей хозяйственная честность и трудолюбіе въ сравненіи съ недобросовѣстностью и праздностью. Есть обязанности, а стало быть и отвѣтственность передъ имуществомъ, существуетъ не только этика бѣдности, но и богатства, хотя ее вовсе отрицалъ Толстой ¹⁾.

---

¹⁾ Недавно было опубликовано очень характерное письмо Толстого къ М. А. Миловидову (Рус. Сл., 13 окт. 1911), гдѣ читаемъ между прочимъ: „Отвѣта на вопросъ вашего знакомаго о томъ, на что полезнѣе отдать деньги, не могу дать другого, какъ тотъ, который далъ Христосъ богатому юношѣ, именно — отдать деньги нищимъ, т. е. кому попало, тѣмъ, кто просить, только съ тою цѣлью избавиться отъ нихъ“. Въ этомъ совѣтѣ все фальшиво, все невѣрно. Во-первыхъ, и самъ Толстой не имѣлъ подъ собой почвы, чтобы давать такой совѣтъ, пока самъ онъ не въ силахъ былъ исполнить его осуществить. Во-вторыхъ, и Христосъ давалъ этотъ совѣтъ отнюдь не первому встрѣчному богачу, но юношѣ, который, какъ самъ онъ заявляетъ о себѣ, исполнялъ заповѣди отъ юности своей и привлекъ къ себѣ особенную любовь Господа, и лишь тогда ему былъ указанъ этотъ путь какъ путь совершенства. Въ-третьихъ, наконецъ, совѣтъ „отдать деньги кому попало“, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ, не только поражаетъ своей неподсѣдовательностью съ точки зрѣнія міровоззрѣнія Толстого — что бы сказали,